

В. М. Галушин

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ПО ГНЕЗДОВАНИЮ ЗМЕЕЯДА
В РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Европейский змееяд (*Circus ferox ferox* Gm.) весьма редок в центре Европейской части СССР. В имеющейся литературе не содержится описания ни одного конкретного случая гнездования змееяда в этом районе¹⁾. Что касается Рязанской области, где проводил свои исследования автор, то змееяд включен в состав ее орнитофауны Э. А. Бекштремом (1927), но в его работе ничего не говорится о характере пребывания этой птицы в области.

В Окском заповеднике змееяд неоднократно отмечался в летние месяцы, что позволяло считать его гнездящейся птицей, хотя гнезд его до последнего времени не находили. 12.VII 1957 г. на территории Окского заповедника впервые было обнаружено обитаемое гнездо змееяда (№ 87-1). Оно было расположено на старой зарастающей вырубке с семенными соснами высотой 17—20 м в первом ярусе. Второй ярус биотопа составляли молодые сосенки высотой до 10—12 м с редкой примесью березы, а в подросте к указанным породам присоединялась крушина. В травостое преобладали ландыш, вереск, ракитник русский, марьянник, дрок, некоторые злаки. Сосна, выбранная змееядом для постройки гнезда, была заметно ниже остальных (ее высота 15 м) и имела сухую вершину длиной около метра. У основания этой «сушины» на самых верхних живых ветвях сосны с южной стороны ствола располагалось описываемое гнездо. Снизу оно поддерживалось двумя густо разветвленными, но тонкими, диаметром 6 и 4 см, ветвями. Сделано гнездо из тонких (не толще 1 см) веточек сосны и березы, очень плохо скрепленных между собой, так что края гнезда заметно обвисли. Форма гнезда — неправильный овал, длиной 75 см и шириной около 60 см, высота гнезда 45 см; кроме того, рядом с гнездом на ветвях в беспорядке набросаны сухие и зеленые веточки, которые при измерении гнезда не учитывались²⁾. Верхнюю часть гнезда составлял 8—12-сантиметровый слой слежавшихся зеленых веточек березы и сосны, причем последних было в подстилке заметно меньше, несмотря на очевидное преобладание сосны в окружающем лесу. Наши наблюдения подтвердили данные Уттендорфера (Uttendörfer, 1939) и А. Н. Сухина (1957), что змееяд приносит свежие веточки в течение всего периода насиживания.

Поскольку гнездо было обнаружено в середине периода выкармливания птенцов, полных наблюдений по гнездованию змееяда не получено, но имеющийся материал все же позволяет осветить некоторые стороны биологии этого редкого в наших лесах хищника.

¹⁾ Имеется в виду часть зоны смешанных лесов, ограниченная с запада Новгородской и Великолукской обл., Белоруссией и Украиной; с востока — Кировской обл., Татарией и Волгой; с юга — полосой лесостепи, а с севера — границей ареала вида.

²⁾ Небольшие размеры гнезд змееяда отмечает ряд исследователей (Goebel, 1879; Шарлемань, 1915; Гавриленко, 1929).

Ко времени обнаружения гнезда (12. VII) в нем находился один птенец. Пуховой покров на подхвостье, а также на лбу и подбородке был едва заметен среди перьев. 24. VII молодой змееяд был уже полностью одет в первый годовой наряд (рис. 1). Голова, спина, кроющие крыла и надхвостье бурого цвета, причем центры перьев почти черные, а края с коричневым оттенком. Над глазами неясно выделяется черная бровь. Маховые перья сверху черные, с еле заметной светлой каемкой; снизу маховые, начиная с четвертого, имеют светло-серые, почти белые, наружные опахала. Рулевые перья — черные с широкой (около 1 см) светлой каймой. Подбородок и зоб покрыты узкими светло-коричневыми перышками с черными наствольями. Весь остальной низ белый,

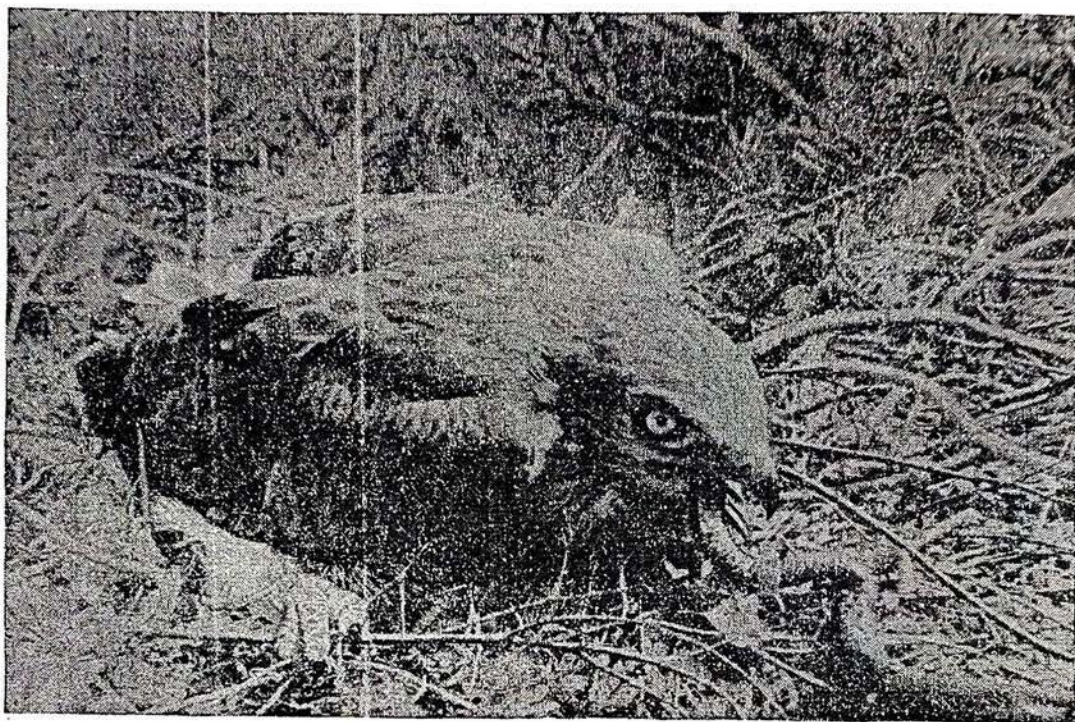

Рис. 1. Молодой змееяд на гнезде.

(Справа видна гадюка, наполовину вытащенная из зоба птенца).

с редкими коричневыми каплевидными пестринами, более густыми на груди и редкими на подхвостье. Испод крыла и ноги покрыты белыми перьями со светло-охристыми кончиками. На сгибе крыла чередуются мелкие серые и белые перышки. Радужина яркая, охристо-желтая. Клюв серый с голубоватой полоской у восковицы; восковица голубовато-серая. Плюсна беловато-голубая, когти черные.

Поведение молодого змееяда при посещении гнезда человеком сильно отличалось от поведения птенцов большинства других хищных птиц в аналогичных условиях. При появлении наблюдателя птенец ложился в лоток и совершенно замирал, не шевелясь и не издавая никаких звуков. Похожая реакция «затаивания» птенца наблюдалась нами ранее лишь у птенцов скопы (Галушин, 1958), но последние перед выраженной оборонительной реакцией вызвать не удалось. Более того, в результате систематических наблюдений у гнезда неоднократно было отмечено, что птенец змееяда, заметив наблюдателя в 30-50 м от гнездового дерева, сразу же «затаивался», около часа лежал неподвижно и не реагировал на появление у гнезда взрослой птицы с добычей. Например, утром 4. VIII птенец не только не кричал при появле-

нии родителя с кормом, но даже не съел отрыгнутого ему ужа. У взрослых птиц инстинкт защиты гнезда от человека выражен весьма слабо: заметив наблюдателя у гнезда, они молча улетают и лишь на расстоянии 200—300 м начинают громко кричать. Крик обеспокоенного змеяда можно передать как протяжное «кийя... кийя... кийя...», весьма похожее на крик канюка возле гнезда. Однако иногда змеяд начинает быстро и отрывисто кричать: «крю-крю-крю-крю...», что по ритму напоминает трель дрозда-белобровика. При отсутствии опасности змеяд обычно молчалив; лишь улетая с гнезда после кормления птенца, он издает короткий мелодичный свист, напоминающий иволговый.

Во время наблюдений у гнезда нами были получены некоторые данные по питанию птенца змеяда. В первую очередь обращает на себя внимание относительно небольшое количество пищи, приносимое ему за сутки. Нами ни разу не отмечено более 4 прилетов к гнезду с кормом, обычно их 3. Таким образом, за период выкармливания птенцу приносится 240—270 змей, что вполне согласуется с данными Уттендорфера (1939), который приводит цифру в 250 экземпляров. По литературным источникам, птенцу в период его максимального роста приносится за сутки от 3 до 5 средней величины змей (Uttendörfer, 1939; Bouillaault et Filloux, 1956). Наши наблюдения подтверждают известный в литературе факт, что змеяд охотится в ограниченное время суток (Шерешевский, 1931). Самый ранний прилет с кормом зарегистрирован нами в 8 час. 14 мин., а самый поздний — в 17 час. 02 мин. Пищу родители обыкновенно приносят в клюве таким образом, что голова добычи находится в глотке, т. е. типичным для этого вида способом (Птицы Советского Союза, т. I, 1951), но однажды змеяд принес к гнезду змею в лапах. Прилетев с кормом, взрослая птица садится на соседнее дерево, а затем слетает к гнезду. Птенец, увидев родителя, громко и настойчиво кричит, затем схватывает торчащий из клюва хвост добычи, вытягивает ее из зоба взрослой птицы, после чего начинает сам заглатывать змею, обычно с головы. Дважды за период наблюдений змеяд приносил живых змей — ужа и гадюку. Вытащив живую змею изо рта родителя, молодой сразу же старается перехватить голову добычи, что не всегда удается, и тогда ему помогает взрослый змеяд.

Змеяда обычно считают восприимчивым к змеиному яду. Однако в последнее время это положение берется под сомнение Bouillaault et Filloux (1956). Эти авторы наблюдали, как в условиях неволи змеяда, ноги которых кусали ядовитые змеи, хотя и хромали некоторое время после укуса, но никогда не погибали.

Анализ немногочисленных погадок и остатков в гнезде показал наличие змеиных чешуй, главным образом брюшных щитков, по которым число съеденных птенцами змей определить не представлялось возможным. Костей в погадках не было обнаружено; они, по-видимому, полностью перевариваются. Большинство остатков пищи было обнаружено в нижних слоях выстилки гнезда, т. е. они относились к раннему периоду выкармливания птенца, когда добыча перед скармливанием разрывалась на части. За время наших наблюдений змеяд приносил змей длиной 30—60 см; из 7 определенных экземпляров 4 оказались ужами, а 3 — гадюками.

Следует отметить, что у исследованных змей никогда не были оторваны головы и не отмечалось внешних повреждений, кроме проколов тела и головы когтями. Вес пойманных змей колебался от 20 до 90 г. Таким образом, суточный рацион молодого змеяда составлял в среднем 120—150 г, что соответствует примерно 8—10% его собственного веса (в конце периода выкармливания). Такую относительно небольшую по сравнению с другими хищными птицами потребность змеяда в пище объяснить пока трудно. Возможно, что у этого вида

обмен веществ протекает менее энергично, чем у других хищников. Некоторое значение может иметь и то обстоятельство, что в подавляющем большинстве случаев в гнезде змеяда имеется лишь один птенец¹⁾; это позволяет ему быть малоподвижным. Интересно было бы провести лабораторное исследование калорийности особей рептилий в сравнении с другими видами кормов. Результаты этих опытов, возможно, пролили бы некоторый свет на особенности питания змеяда. Выкармливание змеяда в неволе (личное сообщение Л. С. Степаняна) показало, что оперяющийся птенец может съедать в сутки до 400 г птичьего мяса. Таким образом, количество корма, поедаемого птенцом в природных условиях, значительно меньше того, которое он может потребить. Стало быть, взрослые змеяды могут обеспечить птенцу лишь минимум пищи, необходимой ему для нормального развития. Это обстоятельство не мешает змеяду быть резко выраженным стенофагом.

Хотя в литературе и приводятся сведения о потреблении змеядом иных кормов, кроме рептилий и амфибий, но приводимые факты носят случайный характер или относятся к периоду с неблагоприятными для рептилий погодными условиями. В то же время подавляющее большинство авторов (Зарудный, 1910; Шнитников, 1913; Дементьев, 1951; Сухинин, 1957; Uttendörfer, 1939; Bouillault et Filloux, 1956 и др.) отмечает, что основу питания змеяда составляют змеи. По материалам В. Ф. Гаврина, собранным за ряд лет в Беловежской пуще (см. Банников и Белова, 1956), 50 % пищи змеяда составляют гадюки, остальные 50 % приходятся на веретенниц (22 %), ящериц (12,5 %) и лягушек (15,5 %). Наконец, наш небольшой материал по питанию змеяда, собранный в Окском заповеднике, лишний раз свидетельствует об узкой кормовой специализации этого хищника.

ЛИТЕРАТУРА

- Банников А. Г. и Белова З. В. Материалы к изучению земноводных и пресмыкающихся Беловежской пущи. Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. Потемкина, т. 59, вып. 4—5, 1956.
- Бекштрем Э. А. О фауне зверей и птиц Рязанской Мещеры. Мат. изуч. флоры и фауны центр. пром. обл., 1927.
- Гавриленко Н. И. Птицы Полтавщины. 1929.
- Галушин В. М. К экологии скопы в Окском заповеднике. Работы Окской орнитол. ст., 1, 1958.
- Зарудный Н. А. Птицы Псковской губернии. Зап. Акад. наук, VIII серия, отд. физ.-мат., т. 25, № 2, 1910.
- Костин В. П. Заметки по орнитофауне левобережья низовьев Аму-Дарьи и Устьюрта. Труды ин-та зоол. и паразитол. АН Узб. ССР, вып. 8, 1956.
- Птицы Советского Союза, под ред. Г. П. Дементьева и Н. А. Гладкова, т. 1, 1951.
- Сухинин А. Н. Материалы по экологии туркестанского змеяда в Бадхызе. Изв. АН Туркм. ССР, № 5, 1957.
- Шарлемань Э. В. Наблюдения над птицами хвойных лесов окрестностей г. Киева. Птицеведение и птицеводство, т. 6, вып. 2—3, 1915.
- Шерешевский Э. И. К биологии орла-змеяда в Крымском заповеднике. Сб. раб. по изуч. фауны Крымск. зап., 1931.
- Шнитников В. Н. Птицы Минской губернии. Мат. позн. фауны и флоры Росс. имп., зоол., в. 12, 1913.
- Bouillault J. et Filloux J. — C. Un mangeur exclusif reptiles: le Circaète. La nature, N. 3250, 1956.
- Goebel H. F. Die Vögel der Kreises Uman, Gouvernement Kiew. 1879.
- Uttendorfer O. Die Ernährung der deutschen Raubvögel und Eulen. 1939.

¹⁾ В. П. Костин (1956) описывает 4 гнезда змеяда на Усть-Урте; в трех из них было по 2, а в одном даже 3 (!) птенца, но это указание резко противоречит всем литературным данным. Возможно, что в этом случае допущена ошибка в определении вида птицы, тем более, что в добытом материале змеяды автором не приводятся.